

ИСТОРИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА



ГВАРДЕИ

ДМИТРИЙ ДАШКО



АЕИБ-
ГВАРДИИ МАЙОР

«КРЫЛОВ»

Гвардеец

Дмитрий Дашко
Лейб-гвардии майор

«Крылов»

2010

Дашко Д. Н.

Лейб-гвардии майор / Д. Н. Дашко — «Крылов»,
2010 — (Гвардеец)

ISBN 978-5-4226-0066-3

Куда вас, сударь, к черту, занесло?! А в мрачные времена «бироновщины», не дальше и не ближе! Наш соотечественник Игорь Гусаров, чьё сознание завладело телом курляндского дворянина Дитриха фон Гофена, теперь пытается счастье в лейб-гвардии царицы Анны Иоанновны. Времена, признаться, беспокойные: фальшивомонетчики с территории Польши грозятся подорвать экономику империи, шведы жаждут реванша за поражение в Северной войне, могущественный Версаль строит козни и засылает шпионов, орды степняков грабят, убивают и угощают в рабство тысячи мирных людей, союзнички–австрийцы норовят предательски ударить в спину, а внутри страны назревает злодейский заговор. Какой уж тут покой! Покой гвардейцам не по карману! Однако есть еще и другая забота у нашего соотечественника, забота гораздо большего масштаба – не дать истории повернуть на иной, погибельный, путь. А это ох как возможно – если ничего не предпринять! Но разве можно сомневаться в победе, когда в руках у тебя верная шпага и заряженный пистолет, когда рядом преданные друзья, готовые прийти на помощь в любую секунду! И снова скрипит потертое седло, и снова скачут дорогами России и дорогами Европы лейб-гвардейцы Измайловского полка...

ISBN 978-5-4226-0066-3

© Дашко Д. Н., 2010

© Крылов, 2010

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Вместо предисловия | 5 |
| Глава 1 | 8 |
| Глава 2 | 13 |
| Глава 3 | 18 |
| Глава 4 | 23 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 24 |

Дмитрий Дашко Лейб-гвардии майор

Автор снова выражает благодарность всем посетителям журнала «Самиздат» Максима Мошкова, тем, кто принял самое горячее участие в обсуждении на форуме «В вихре времен» <http://mahrov.4bb.ru> и на «Военно-Историческом форуме» <http://www.reenactor.ru>.

И отдельное большое человеческое спасибо: Антону Перунову, Александру Замире, Игорю Петельщцу, Александру Тишкову.

Вместо предисловия

Знаете, как оно бывает – живешь себе, в ус не дуешь, а потом... бац! Все летит вверх тормашками и приземляется с ног на голову. Потом стоишь, репу чешешь и думаешь: то ли радоваться, то ли застрелиться?

Психологи утверждают, что все зависит от нас. Как же, держи карман шире! Тут на самом деле уравнение с таким количеством переменных, что ты в нем, дай бог, занимаешь надцатое место в надцатом ряду. К тому же психология, как и любая другая лженаука, предполагает наличие минимум двух диаметрально противоположных мнений. Какое-то из них в итоге окажется правильным, но вот какое... Это, простите, лотерея. Фифти-фифти.

Есть симпатичный подход: если не в силах изменить что-то, измени к нему отношение.

С работы вылетел – радуйся, что теперь хомут натирает шею другому дураку. Почему «дураку»? А как еще назвать человека, который выполняет ее за те копейки, что тебе когда-то платили?

Жена ушла... Посочувствуй бедолаге, которому придется с ней жить. Ты-то свое уже «отмотал».

Знакомый занял денег и не отдает, на звонки не отвечает, избегает тебя и юлит при случайной встрече... Прыгай до потолка от счастья! Ты дешево избавился от этой сволочи!

Мне такая психологическая установка весьма пригодилась. Но обо всем по порядку.

Жизнь моя долго двигалась по накатанной колее. Детский сад, школа, институт иностранных языков, армия, «дембель» и последующая карьера в фирме, которая не всегда была в ладах с законом. Ничего примечательного. Можно остановить на улице первого попавшегося ровесника, расспросить его и выяснить, что биографии наши если и отличаются, то лишь в незначительных деталях.

Так живут миллионы людей: встают в шесть утра, чистят зубы, умываются, завтракают на скорую руку. Общественным транспортом или на личном авто добираются до работы.

Кто-то, сидя в тесной конторке, перекладывает бумажки с места на место или раскладывает пасьянс «Косынка», если шеф пропадает на совещании, парится в сауне или пьет в отгуле за прогул.

Кто-то калымит у станка, во время перекуров перетирает с мужиками последние международные новости и в пух и прах разносит правительство за бардак и типичное российское ничегонеделанье.

Кто-то в этот самый момент хватается за руку жулика, а потом заводит на него уголовное дело в тридцати томах: по одному за каждый свистнутый рубль.

Кто-то учит детей, лечит больных или веселит народ тупыми шутками по «зомбоящику».

Заканчивается трудовой день, люди вновь устремляются к переполненным автобусам или трамваям, с риском для жизни несутся по улицам на разваливающимся маршрутках. Жители

мегаполисов спускаются в катакомбы метро. Пять раз в неделю, сутки за сутками, час за часом, которые и впрямь складываются в года. А когда оглядываешься назад, понимаешь, что жизнь прожита и ничего уже не изменить. Наверное, так оно и есть, но только не для меня.

Я из того поколения, что пересекло черту, разделявшую два века: двадцатый и двадцать первый. Пусть по большому счету это условности, но все равно здорово причислять себя к людям, которые сразу в двух столетиях чувствуют себя как дома.

Год назад родным для меня стал и другой век – восемнадцатый.

Сейчас расскажу, как все было.

День тот, говоря откровенно, не заладился. Шеф дал понять, что наша контора не более чем стиральная машина, призванная отмывать левые деньги. Добром такие фирмочки не заканчивают, а значит, пришло время сменить работу, пока не поздно.

Перебрав все варианты, я отправился на встречу с другом. У него были и деньги, и связи. Он мог стать для меня палочкой-выручалочкой в столь непростое время, когда искусно или искусственно организованный кризис (пусть специалисты разбираются) достиг апогея. Пока Америка сохла, другие, не столь заросшие жирком державы корчились в мучительных судорогах.

Взял такси, доехал до здания еще сталинской постройки, в котором размещался Лехин офис. Только дотронулся до ручки массивной двери, как вдруг произошло что-то непонятное. Огни, странное свечение, тяжелая тупая боль. Я потерял сознание, а очнулся уже в чужом теле и в другом времени.

Несчастный молодой курляндский дворянин – барон Дитрих фон Гофен – так и не доехал до Санкт-Петербурга, столицы варварской и дикой Московии. Летом 1735 года он упал с лошади и разбился. Глупая смерть, запустившая механизм переселения моей души.

Похоже, индусы знают толк в религии и не так уж неправы в придуманной ими круговерти реинкарнаций. Тупым как дерево я не был, поэтому, минуя воспетую Высоцким стадию баобаба, перескочил сразу в немецкого дворянина.

Трудно объяснить ощущения, которые я испытывал в тот момент. Шок, полное непонимание происходящего. Казалось, я брежу или тронулся с ума, сейчас приедут санитары и упрячут в психушку.

Но время шло, а ничего не менялось. Меня по-прежнему принимали за Дитриха фон Гофена. Подумав, я решил не развеивать это заблуждение. В конце концов, надо как-то устраиваться, а баронский титул не самое плохое начало для старта.

Дальше была драка на дороге, убийство в порядке самозащиты капрала Звонарского, арест и допрос в Тайной канцелярии. Чиновники сунули меня в тюремную камеру, там я и познакомился с Кириллом Романовичем, выходцем из параллельного мира.

– Я – тот, кто устроил ваш перенос в это время, – нерадостно сообщил он.

С его слов выяснилось, что наш мир служит полигоном для некой могущественной цивилизации, на котором она отработывает различные модели развития. Однако пришло время платить по счетам. Кирилл Романович пояснил, что меня перебросили в прошлое с целью изменить будущее России.

– На вашу долю выпало предотвратить дворцовый переворот, цель которого – сместить с трона законного императора Иоанна Антоновича и возвести дочь Петра Первого – Елизавету. Более того, вы постараетесь примирить три главных политических фигуры России при императрице Анне Иоанновне: фельдмаршала Миниха, будущего регента при младенце-императоре Бирона и вице-канцлера Остермана, – сказал Кирилл Романович.

Честно говоря, предложение вызвало у меня вполне оправданный скепсис. Я знаю, что политики любой страны, а России, пожалуй, в особенности, ведут себя ничуть не лучше пауков в банке. Кто кого сожрал, тот главный. Три вышеуказанные персоны – Бирон, Остерман и Миних – вряд ли могли быть исключением. Они заключали временные союзы и перемирия,

тут же с легкостью их расстраивали и вновь затевали многоходовые интриги и заговоры. Было бы против кого дружить.

Я привык решать проблемы по мере их поступления, поэтому все же дал Кириллу Романовичу согласие. Впрочем, не больно меня и спрашивали.

Чтобы пробиться наверх, предстояло пройти карьерную лестницу ступень за ступенью. Я начал с самых низов и без ложной скромности скажу, что кое-чего добился.

Читатель, знакомый с историей по романам Валентина Пикуля и школьным учебникам, сразу смекнет, что меня занесло аккурат в самый разгар «бироновщины», и приготовится выслушать рассказ об ужасах той эпохи. Увы, я на своем примере узнал, что замечательный писатель слишком доверял историческим анекдотам (представьте, насколько правдивым получился бы исторический роман о Чапаеве, основанный на всем известных побасенках из серии: «Пришел Петька к Василию Ивановичу и говорит...»). А уважаемые академики, должно быть, уже устали от постоянного переписывания учебных пособий.

Мне вы можете поверить, потому что это я прошел через Тайную канцелярию, повисел на дыбе, познакомился с всемогущим генерал-аншефом Андреем Ивановичем Ушаковым, поступил в лейб-гвардии Измайловский полк и дослужился до чина сержанта, пожалованного лично императрицей Анной Иоанновной.

Службу гвардейца и в мирное время не назовешь спокойной, и вот по заданию Ушакова я оказался в Польше, чтобы разорить гнездо злодеев, наводнивших страну фальшивыми деньгами.

Глава 1

Только человек с буйной фантазией мог назвать Крушаницу городом. На вид деревня деревней: несколько кривых узких улочек, непролазная грязь даже на центральном проспекте, ведущем к ратуше, скверно мощенные мостовые с вывороченными лошадиными копытами булыжниками. Разве что количество костелов впечатляло: чуть ли не через каждый дом стояли основательные здания, выстроенные из камня, с католическими крестами, сияющими на солнце. Только на одной улице я насчитал не меньше десятка храмов. У приезжего, видевшего это издали, могло создаться впечатление, что народ тут проживает смиренный и набожный, но оно вмиг рассеивалось, стоило только оказаться в черте города.

Михай безошибочно доставил нас к постоялому двору. Время было позднее, лавка Микульчика скорее всего давно уже закрылась, и смысла искать ее на ночь глядя я не видел.

Народу на постоялом дворе хватало, но хозяин, получив от меня талер и заверение, что это не последний в моем кошельке, который я готов бросить на алтарь его заведения, подсуетился: уплотнил нескольких жильцов победней и посговорчивей, а нас заселил на освободившееся место.

Ужин заказали в комнату, спускаться не стали. Внизу вовсю шла гулянка, вино лилось рекой, доносились тосты во славу Польши и ее союзников, и, похоже, моя родина в число их не входила. Звучали и пожелания скорой гибели всех москалей, это наводило на определенные размышления. Особой враждебности вроде не слышалось, тосты произносились скорее по привычке, но кто знает. Светиться тем, что состоим на русской службе, не стоило как минимум из благоразумия. Нет, вполне возможно, что среди пировавших были и те, кто сочувствовал моей родине, но себя они не проявляли ни словом, ни делом.

Поскольку мы с Карлом представились курляндскими баронами, к нам не привязывались. Формально считали своими, лишних вопросов не задавали, а Михайлов и Чижиков все больше помалкивали, хотя последний, как и многие из тех, кому довелось послужить в украинской ланд-милиции, довольно сносно умел разговаривать на польском.

Еще один член моего отряда – Михай – и вовсе чурался соотечественников. Собственно, он сторонился практически всех, включая нашу команду. Лишь один я мог вытащить из него слово-другое, но потом поляк замыкался, будто боялся, что плотину его отрешенности прорвет.

Чтобы как-то развеять дорожную скуку, я стал практиковаться в изучении польского. Михай, хоть и без сильного удовольствия, помогал мне. Давно замечено – чем больше языков знаешь, тем легче осваивать новые, поэтому к концу недели я уже вполне сносно изъяснялся по-польски, используя самые простые и распространенные обороты. Разумеется, беглая речь ставила меня в тупик, но сказать что-то элементарное и при этом быть понятным собеседнику я уже мог. На практике большинство людей обходится довольно скромным словарным запасом.

Нам принесли жареного поросенка, овощное рагу, хлеб. Шустрая служанка притащила из погреба кувшин венгерского вина. Оно оказалось кисловатым и не очень хмельным, но я все равно дал девушке монету «на чай». Зачем настраивать против себя прислугу? Иногда от этих людей зависит очень многое. Например, жизнь.

После сытного ужина задули свечи и улеглись спать. И хотя позади остался день утомительной скачки, а тело устало и нуждалось в отдыхе, сон не приходил. Всему виной был разговор с баронессой, растревоживший и без того беспокойную душу.

Я не собирался корить себя за то, что поддался просьбе Карла и заехал в родовое имение фон Гофенов. Многие побудило сделать этот крюк: и понимание, что в глазах кузена совершу чуть ли не святотатство, если не заеду к матери, и изрядная толика любопытства узнать что-то о настоящем Дитрихе, да и та частица от него, что осталась где-то в глубине, жаждавшая хоть

на пять минут повидать дорогое ему существо, – все это наложилось друг на друга. Воля моя поддалась. Я не мог противостоять внутреннему натиску. Страх перед разоблачением, элементарная осторожность и здравый смысл оставили меня. И, наверное, не зря.

– Простите меня, – извиняющимся тоном сказала баронесса. – Я пришла, чтобы узнать, что произошло с моим сыном.

Точно так же началась наша встреча на маленькой мызе под Митавой. Я подумал, что женщина снова хочет меня в чем-то укорить, и не придавал большого значения тоске, которая прозвучала в ее словах.

– Со мной все в порядке. Ваши упреки в моей невнимательности справедливы, выводы сделаны. Обещаю писать раз в неделю, а то и чаще, – с наигранной усмешкой сказал я.

– Бросьте, – устало произнесла баронесса. – Вы действительно не мой сын. Отставьте шутки в сторону, они только унижают меня. Обмануть мать невозможно.

– Ничего не понимаю. Мама, объясни, с какой стати ты решила, будто я не твой сын? – удивленно спросил я.

– Я слишком хорошо знаю Дитриха. Есть тысячи мелочей, выдающих постороннего человека: как он ведет себя, как разговаривает, как ест, как спит... Сначала я не придавала им внимания, отгоняла подозрения прочь, но, не сомкнув глаз этой ночью, поняла: вы не тот, за кого себя выдаете.

Я напрягся. Время, проведенное с прекрасной девушкой, подарившей настоящему Дитриху дочь, а мне ни с чем не сравнимое удовольствие, расслабило меня. Я был слишком самоуверенным, слишком беспечным. И вдруг... Словно холодный душ.

– Что ты говоришь, мама?! – играя роль хуже самого бездарного актера, спросил я.

Было гнусно и противно. Я ощущал себя вором, застигнутым на месте преступления.

Фальшь в моих словах покорила не только меня, но и баронессу.

– Прекратите! Прекратите немедленно! – с надрывом сказала женщина. – Я прошу вас: перестаньте измываться над матерью.

– Как скажешь, мама, – подавленно произнес я, ненавидя самого себя.

Баронесса всхлипнула.

– Не называйте меня матерью. Вы – не Дитрих. Но, Боже, как вы похожи на моего сына! Если бы я не рожала в здравом уме и трезвой памяти, то решила бы, что вижу его брата-близнеца. Но я хорошо помню, что у меня был всего один сын. И вы – точно не он. Скажите, Дитрих, настоящий Дитрих, жив? – с такой надеждой прошептала мать, что я почувствовал, как во мне что-то оборвалось.

В горле застрял сухой комок, слезы навернулись на глаза. Что я мог сказать этой женщине? Правду? Но как это немилосердно и тяжело говорить, что ее единственный ребенок погиб, в тело его вселилась чужая душа, а от того Дитриха, которого она когда-то выпестовала, осталось только непонятное ощущения легкого, почти невесомого присутствия.

А если солгать? Нагромоздить груды лжи, сослаться на уши во время падения с коня, пытки в Тайной канцелярии, наплести вагон и бочку арестантов... Лишь бы дать ей успокоение, основанное на полной фальши. Могу ли я поступить таким образом с матерью? Нет, это выше моих сил. И не потому, что безмозглый дурак, бесчувственная скотина или что-то еще в этом роде. Просто врать матери – кощунство. Она заслужила правду, какой бы страшной та ни была. Святая ложь не заслуживает высокого титула.

Я заговорил. Тяжело объяснять вещи, о которых и сам-то имею весьма смутное представление, но все, что я рассказал, было чистой правдой, во всяком случае так мне представлялось. И что самое странное – баронесса поверила. Наверное, потому, что материнское сердце действительно способно отличить, где правда, где ложь.

– Значит, Дитрих внутри вас? – спросила баронесса, осторожно касаясь моей груди.

– Да. – Я не стал отстраняться, понимая, что ласка предназначена ее сыну. – Если быть точным – какая-то его частица, осколок души. Даже не знаю, как это объяснить.

– Тогда не пытайтесь... А он может что-то сказать мне?

– Нет, я лишь ощущаю его присутствие. Легкое раздвоение сознания в некоторых ситуациях. Он очень слаб и не может взять контроль над телом. Я не понимаю, почему он вообще остался. Если верить человеку, из-за которого это случилось, Дитрих умер, ушел на тот свет. Хотя, кажется, мы и в правду не исчезаем бесследно. Большого, извините, сказать не могу. Не потому, что не хочу, а потому, что не знаю. Простите меня, пожалуйста.

– За что? – поразилась женщина. – Разве это ваша вина?

Я покачал головой:

– Нет, моего согласия не спрашивали, но я все равно чувствую себя виноватым.

Она поцеловала меня в лоб и сказала:

– Успокойтесь. Вы ни в чем не виноваты, молодой человек. Я буду молиться, чтобы вы довели до конца вашу миссию. Надеюсь, небеса смиростивятся и мой сын вернется. Вы верите в это?

– Кто знает, – тихо произнес я.

Если Дитрих вернется, что станет со мной?

Уезжая, я оставил матери мешочек с полусотней дукатов и попросил позаботиться о дочке. Это все, что было в моих силах.

Проснулись мы утром от выстрелов и криков встревоженных людей.

– В чем дело? – Карл присел на кровати, вытирая кулаком заспанные глаза. – Какая сволочь шумит под окнами?

– Сейчас узнаем.

Я глянул в окно, пытаюсь разобраться, что творится на улице, и увидел кавалькаду гарцующих всадников, палящих на всю округу из пистолетов. Похоже, они чему-то радовались и спешили возвестить об этом событии стрельбой. Прямо как ковбои из плохих вестернов.

В дверь постучали.

Я перевел взгляд на Чижикова, тот понимающе кивнул и осторожно, на цыпочках, подошел к двери, отведя за спину пистолет с взведенным курком.

– Кто?

– Служанка, – донесся тонкий женский голос. – Хозяин просил передать вам, что пан Потоцкий прибыл и призывает всех постояльцев к столу, чтобы выпить с ним за благополучное возвращение. Пан за все платит.

Мы переглянулись. Потоцких в Польше хватает, и далеко не все из них относятся к ветви знатных магнатов. Мне говорили, что всего насчитывается около шести разных шляхетских родов под этой фамилией. Тот Потоцкий, что занимался ввозом фальшивых денег, входит в какой-то из весьма захудалых и, по закону подлости, вполне мог прорваться сквозь все кордоны. М-да, ситуация не из приятных. Меня и Карла пан не знает, а вот Михая вполне мог запомнить, даже наверняка запомнил. Если не спустимся, не удивлюсь, если Потоцкий явится лично приглашать курляндских дворян отпраздновать его возвращение. Хочешь – не хочешь, а надо идти, садиться за стол и делать вид, что радуешься благополучному исходу, а Михай с гренадерами пускай запрут в комнате и «не отсвечивают».

Я попросил Карла одеться, выйти первым и разведать обстановку, а сам остался, чтобы проинструктировать остальных. Приказ «И носу не выказывать из комнаты» не вызвал у них пререканий.

– Да всегда пожалуйста, – пожал плечами Чижиков. – Будем сидеть как мыши.

– Токмо винца попросите кувшинчик принести. Все равно Потоцкий платит, – усмехнулся Михайлов.

– Ага, может, еще и девах поразбитнее пригласить? – не удержался я от колкости.

– Отчего не пригласить, – подкрутил ус Михайлов. – Я б не отказался. Моя благоверная далече и ничего не узнает, ежели никто не расскажет, конечно.

Чижиков отвесил ему звонкий шлепок по макушке.

– Ты чего? – развернулся недоумевающий Михайлов.

– Того, – зло пояснил «дядька». – Не зарывайся, помни, что говоришь с унтер-офицером. Знай свое место, Мишка.

– Дык я ж шуткую, – попытался оправдаться незадачливый гренадер.

– Ты со мной шуткуй, а их благородие не трогай. Они пока милость к тебе проявляют, а то б давно зубы повыщелкали, – ощерился Чижиков.

Он был полностью прав. Нет ничего хуже для армии, чем панибратство. Стоит чуть ослабить поводья, и ситуация станет неуправляемой. Россия столько раз это проходила: в семнадцатом году, в середине восьмидесятых и начале девяностых прошлого века.

Карл стремительно взлетел по ступенькам и едва не сбил меня с ног.

– Это он, наш Потоцкий, – с трудом сдерживая сбившееся дыхание, сообщил кузен.

– Понятно, – процедил я сквозь зубы. – Хорошо, пойдем знакомиться. Врага полезно знать в лицо. Один пожаловал или с Сердецким?

С последним мы хоть и служили в одном капральстве, но никогда не виделись.

– Сердецкого нет, умчался к себе в имение. А у Потоцкого дела в городе, вот и колобродит. Девоч каких-то на улице похватал, танцы устраивает.

– Танцы – это хорошо. Правда, из меня танцор никудышный, – сказал я чистую правду.

Для дискотеки мои дерганья, может, и сойдут, но вот ни польке, ни мазурке меня сроду не учили.

– Плюнь, Дитрих. Все такие пьяные, что им будет не до того, как ты пляшешь.

Внизу дым стоял коромыслом. Человек тридцать шляхтичей в рысых шапках и жупанах лихо отплясывали под зажигательную музыку. Я не видел никого в европейском платье. Похоже, дворянство предпочитало национальные костюмы, и, к слову сказать, мне это было по душе. В патриотизме полякам точно не откажешь.

Дам на всех не хватало, к тому же некоторые пытались при удобном случае сбежать из корчмы, но бдительные кавалеры не давали им такой возможности. Беглянок под общий смех возвращали, чуть ли не силком заставляли выпить «штрафную». После этого красавицы не падали только потому, что их поддерживали. Ясновельможные веселились на всю катушку.

Пан Потоцкий восседал во главе залитого вином и пивом стола, вокруг него постоянно находился кто-то из трактирной прислуги, и шляхтич щедро швырялся деньгами направо и налево.

Увидев меня, он сделал приглашающий знак рукой:

– Милости прошу к моему скромному столу.

– С удовольствием, – не стал отказываться я. – Позвольте представиться – барон Дитрих фон Гофен.

– Очень рад. Пан Анджей Потоцкий, из шляхты местной. Пропустим по чарке?

– Как не пропустить, обязательно пропустим. Благодарю вас.

Мы выпили за знакомство. Я как следует рассмотрел нового «приятеля». Пан был смугл и красив той дикой красотой, которая так нравится женщинам, – широкие плечи, узкие бедра, волнистые густые волосы цвета вороньего пера, бешено сверкающие глаза, прямой нос, правильные черты лица, где все гармонично и до того ладно, что не верится. Наверное, он как нельзя лучше подходил для роли демона-искусителя. И в то же время я ощущал в нем недюжинный ум и силу. Такого лучше держать в друзьях, а не во врагах, но так уж сложилась жизнь, что мы находимся по разные стороны одной реки, имя которой – служение Родине.

Бутылка закончилась, Потоцкий отбросил ее в сторону, даже не глядя, попадет в кого или нет.

– Еще вина! – закричал он. – Самого лучшего! Да побыстрее! Я вернулся всем смертям назло!

Собравшиеся дружно подхватили, загалдели что-то в ответ. Видно было, что шляхтич пользовался популярностью, и отнюдь не только благодаря широким замашкам.

– Гуляем, ясновельможные! Все серебро спущу сегодня, ничего не оставлю! – вновь завопил Потоцкий. – Донага разденусь, но вином всех напою!

– Слава! Аминь! – гулко пронеслось по залу, и гульба продолжилась.

Я понял, что незаметно отсюда не выскользнешь, и решил принять участие в общем веселье, которое закончилось только под утро. Первый этаж постоялого двора к этому времени напоминал поле после побоища. Мертвецки пьяные люди лежали там, где застиг внезапный сон: на полу, подоконниках, на сдвинутых столах. Женщин почти не было, очевидно, их или отпустили, или растащили по «нумерам». Шатающиеся от бессонной ночи, похожие на призраков служанки наводили порядок, стараясь не разбудить постояльцев, чтобы не нарваться на неприятности. Буйные во хмелю паны были еще хуже на трезвую и больную голову.

Дверь в нашу комнату была заперта, я с трудом разыскал ключ. Открыв замок, добрал до кровати и завалился спать. Сил не хватало даже на то, чтобы застрелиться, а именно такое желание возникло днем, когда кто-то настойчиво принялся меня будить, не скупясь на выражения.

Я заворчал, присел на перине и вперил злой взгляд в Чижикова:

– Чего пристал?

– Господин сержант, пора бы идти, лавку Микульчика искать. Скока ж можно в этом клоповнике помирать?

– Сколько нужно, – сказал я первое, что пришло в голову. – Буди Карла, скажи ему, что собираемся и идем.

– Дык это, – Чижиков вздохнул. – Нету Карла. Всю ночь его не было. Пропал ваш кузен, не знаю, куда запропастился.

Глава 2

Я окончательно проснулся. Известие оказалось не из приятных. Понятно, что Карл вполне взрослый и самостоятельный человек, который еще и любит поволочиться за юбками, но мы договорились, что будем держать друг друга в курсе всех планов, и если уж ему приспичило, то первым делом он был должен поставить меня в известность. Я отвечал за все: и за успех нашей поездки, и за жизни подчиненных, тем более за двоюродного брата.

Вчерашняя попойка даром не прошла. Я наморщил лоб и попытался восстановить события прошлого вечера. Увы, в памяти всплывали отдельные фрагменты, не желавшие выстраиваться в цельную картину. За стол к Потоцкому присели вместе, потом пили за знакомство, за что-то еще, поводов было предостаточно – упоминались: процветание Речи Посполитой, дружба народов и мир во всем мире. Вроде ничего лишнего не наболтал: о Катynie не говорил, замученных насмерть в польских лагерях красноармейцев не вспоминал, американское ПРО и подавно. А то, бывает, иногда заносит. Ляпну что-то такое, а потом думаю, как выкрутиться.

Кузен, кузен... Первое время Карл находился рядом, потом я танцевал с какой-то панночкой, надеюсь, она была не сильно страшной, ибо, накачавшись вина, дошел до такой кондиции, что пустился бы в пляс даже с крокодилом, выловленным из Нила.

Я решил поспрашивать у прислуги, вышел в коридор и сразу наткнулся на вялого и спящего, как рыба зимой, кузена. Он без особой уверенности брел к дверям нашей комнаты.

– Карл, где тебя носило? – с негодованием, смешанным с радостью, спросил я.

– Дитрих, – «пропажа» икнула и продолжила: – прости. Я так набрался, что ничего не соображаю. Мне плохо, попить бы...

Я окликнул служанку, велел принести для кузена чего-нибудь холодненького. Мы зашли в комнату и плотно притворили за собой дверь. Я приступил к расспросам:

– Где ты пропал?

– Ночевал в апартаментах Потоцкого, – признался Карл.

Он схватился за голову и сокрушенно добавил:

– Ох, до чего башка болит, на половинки раскалывается.

– Прости, не понял. Повтори еще разок: где тебя всю ночь носило?

– Я же сказал – у Потоцкого был.

При этих словах Михай сморщился, будто надкусил лимон. Я понимал его чувства – как ни крути, этот шляхтич был его смертельным врагом.

– Вот это номер! Каким ветром тебя туда занесло?

– Не поверишь, сам ума не приложу, но факт остается фактом – на одной кровати дрыхли, хорошо хоть, не в обнимку. Саблю зачем-то мне подарил.

В подтверждение он показал саблю в украшенных узорами ножнах. Я взял ее в руки, покрутил. Ничего себе вещица, не из дешевых, точно.

– Чего с ней делать? – озадаченно спросил Карл.

– Раз подарили, забирай. Хорошее оружие, – произнес я, вытаскивая клинок из ножен и любуясь заточкой лезвия. – Грех такое возвращать. Да и обидеться могут, а проблем у нас и без того хватает, больше, чем у собаки блох.

Я облегченно вздохнул и велел Карлу отдыхать: в таком состоянии пользы от него как от козла молока. Увы, главные неприятности были еще впереди.

В номер ввалилась целая делегация шляхтичей, к счастью для нас без Потоцкого. Незваные гости толпились, шумели, обсуждая только им понятные события.

– Господа, чем обязаны? – недоуменно вскинулся я.

Ничего хорошего от появления в комнате столь внушительного количества шумных и крикливых, а главное, до зубов вооруженных людей ждать было нельзя. Я напрягся, поискал

взглядом пистолеты. Прорываться так с музыкой. Огнестрельный аккомпанемент при таких обстоятельствах весьма кстати.

Вперед выступил чубатый поляк с длинными обвислыми усами и вместительным, выпирающим, как у беременной женщины, пузом.

– Добрый день, ясновельможные паны, – склонил голову он.

– И вам здравствуйте, – откликнулся я.

– Я очень извиняюсь, что потревожил, но обстоятельства таковы, что ждать далече никак не можно. Прошу господина барона фон Брауна проследовать с нами, – поглаживая выдающийся живот, сообщил шляхтич.

– К-к-к-куда проследовать? – заикаясь от беспокойства, спросил я.

В голове шумел морской прибой. Волны накатывались, с каждым приливом принося тупую, как шляпка гвоздя, боль.

– Готово все у нас, – не обращая на меня внимания, бодро отрапортовал поляк. – Ксендза привезли, скоро и пастора доставят. Чудом нашли, – похвастался он. – Всю округу облазали.

– Еще раз спрашиваю: куда вы зовете моего кузена и зачем понадобились ксендз с пастором? – разозлился я, чувствуя, что происходящее упорно не желает поддаваться логическому объяснению.

– Вестимо куда, – снизошел до ответа шляхтич. – На саблях рубиться с паном Потоцким, как вчера обговаривались. Мы и место подходящее нашли на пустыре, никто не помешает. А священники нужны, чтобы напутствие дать да грехи отпустить перед смертью.

– Ничего не понимаю! – взорвался я. – Какие сабли?! Какое напутствие?! Какая смерть?! У вас что – дуэль?!

– Все верно, любезный братец, – мрачно подтвердил почесывающийся Карл. – Утром было не до того, закрутился и позабыл обо всем, а сейчас вспомнил: мы же и впрямь собирались с паном Потоцким драться. Только не помню, кто кого на дуэль вызвал.

– Да тут и гадать нечего: пан Анджей вас вызвал, – с твердой как гранит уверенностью заявил уса́тый шляхтич. – Он у нас такой, без рубки неделя прошла, почитай, что впустую прожита.

– Не, сдается мне, что это барон у пана Потоцкого кулаком перед носом махал, – безапелляционным тоном изрек другой шляхтич. – Я, правда, прилично накушавшись был, но что-то такое смутно припоминаю.

– Вовсе нет! Они и впрямь поначалу на кулачках сошлись, но пан Анджей опосля опомнился и предложил, как только завтра наступит, разрешить все честь-честью в сабельном поединке, – влез в разговор третий.

– Ничего подобного! – вмешался четвертый. – Панове, я хоть и выпил побольше вас, но мозги еще не пропил. Курляндец на дуэль вызвал, Девой Марией клянусь!

Шляхтичи ожесточенно заспорили, началась словесная перепалка, грозившая перейти в нечто намного более серьезное. Паны разделились на две партии, каждая из которых не собиралась уступать другой и настаивала на своем мнении как единственно верном.

Я поднял руку, как третейский судья:

– Постойте, господа. Похоже, нам не суждено разобраться, кто начал первым, но хоть из-за чего весь сыр-бор разгорелся?

Спор прекратился. Все стали пожимать плечами. Карл тоже растерянно замигал и развел руками.

– Прости, братец, не припоминаю. Надо у пана Потоцкого поинтересоваться. Вдруг он знает? – с надеждой предположил кузен.

– Так, может, замириться? – спросил я. – Особенно ежели причина пустячная и из-за нее грех проливать христианскую кровь.

– Ни за что! – горячо воскликнул Карл. – Я не стал бы вызывать на дуэль по пустяковому поводу. Значит, причина была серьезной.

– А Потоцкий?!

– Пан настоящий рыцарь. Из-за ерунды на дуэль не пойдет, – объяснил кто-то из шляхтичей.

Я обессиленно опустил руки. Кузен обычно был довольно покладист, но сейчас просто закусил удила. В таком состоянии мне его не остановить, тем более дело дошло до такого щекотливого вопроса, как честь. Дворяне, мать их за ногу!

Я велел гренадерам оставаться в комнате и никуда не уходить, а сам, влекомый шляхтичами, отправился выяснять обстоятельства свалившейся неожиданно-негаданно дуэли.

Красный и мрачный Потоцкий, который ждал всех у ворот постоянного двора, тоже не помнил ни причины, побудившей его скрестить сабли, ни того, кто кого, собственно, вызвал на дуэль. Мириться он отказался, хоть я прилагал все усилия, дабы привести обе стороны к обоюдовыгодному решению.

Мы приехали на пустырь, в сотне метров от которого виднелись развалины какого-то храма, явно православного. Католическая вера действительно насаждалась в этих краях огнем и мечом.

Страдавшие от жуткого похмелья дуэлянты осушили по чарке вина для подкрепления сил и взялись за сабли. Я знал, что Карл неплохо фехтует шпагой, свое искусство он продемонстрировал еще в первый день знакомства. Однако одно дело – колющее оружие и другое – рубящее, к которому как раз и относится сабля. Поляки рассказали, что Потоцкий отменный дуэлянт, отправивший на тот свет немало народа. Карлу попался достойный противник. Я ощутил вполне объяснимую тревогу за кузена. Противники решили не просто биться, а сражаться до смерти или тяжелого ранения, которое не позволит продолжать бой. Я попытался опротестовать это решение, взывал к рассудку и совести, но меня не слушали.

Дуэлянты пожали друг другу руки и обнялись, потом по команде приняли стойки, выставив обнаженные клинки. Оба настроены были решительно. Каждый приготовился нашинковать противника на кусочки нужного размера.

Я еще раз попытался помирить поединщиков, но, как и раньше, безрезультатно. Доводы разума были бесполезны. Более того, добился только того, что несколько шляхтичей обступили меня с нескольких сторон, взяв в клещи. Видимо, опасались моего вмешательства в схватку.

Пот потек у меня по лицу, я боялся, что этот глупый и никчемный бой окажется последним для Карла. Кузен плохо держался на ногах, его сабля дрожала, однако в глазах застыло решительное выражение. Потоцкий тоже неважно выглядел, однако упрямство заставляло шляхтича бросать судьбе очередной вызов. Погибни он, я бы не стал переживать. Пусть Потоцкий был мне симпатичен, но это враг России, а значит, и мой враг. А вот Карла жаль до невозможности: умный, порядочный, храбрый и... молодой. Ему бы жить да жить. Я ж не знаю, что с собой и Потоцким сделаю, если кузен погибнет. Взорву все к такой-то матери!

Бой на саблях отличается от шпажного. Он и скоротечнее, и кровавей. Во время первого противник может погибнуть от многочисленных уколов, во время второго – запросто лишиться руки и прочих частей тела и, соответственно, умереть тоже.

– Именем Господа, начинайте! – крикнул секундант Потоцкого.

Дуэлянты сшиблись, зазвенела сталь. У Потоцкого был экономный стиль, шляхтич не спешил беспорядочно сыпать ударами в надежде сокрушить оборону, а выжидал удобного момента, чтобы полоснуть клинком по открывшемуся противнику. Но Карл был начеку и не подставлялся, парировал внезапные наскоки и сам выходил в стремительную и опасную атаку, заканчивавшуюся пока что ничьей. Силы у дуэлянтов оказались примерно равными, только Потоцкий мог похвастаться опытом, а Карл – легкостью и подвижностью. Если бы не проведенная в застолье ночь, схватка была бы более короткой и яркой. Драчуны стояли друг друга,

но они порядком устали, не выспались и если отошли от похмелья, то совсем чуть-чуть. Даже отсюда я ощущал, как физически трудно было им сражаться.

Толпившиеся в сторонке шляхтичи дружно поддерживали поединщиков, одобрительно комментировали удачные атаки и блоки, в азарте кидали шапки на землю и бились об заклад. Я же стоял ни жив ни мертв. Мне было страшно за Карла, слишком уж прикипела к нему душа. Я видел, что он начинает сдавать первым, едва не пропустил резкий и сокрушительный выпад Потоцкого, но чудом изловчился, и клинок просто рассек воздух. Но это была удача, не больше, а долго на ней не протянешь. Еще одна ошибка, и шляхтич непременно добьется своего – я потеряю друга навсегда. Мысль об этом едва не разорвала мне сердце. Я больше не хотел хоронить тех, кто вошел в мою жизнь и стал мне близок.

Поднаторевший в сабельных схватках Потоцкий быстро догадался, что Карл начинает проигрывать. Скупая манера боя изменилась на сто восемьдесят градусов. Клинок шляхтича засверкал, словно крылья мельницы. Поляк махал саблей, как цепом. Дзинь! Карл отбил опасный удар. Вжик! Лезвие едва не зацепило его грудь.

Шляхтичи притихли. Я взглянул на лихо орудовавшего саблей поляка, понял, что тот готовится нанести удар, который поставит финальную точку в поединке, даже зажмурился, чтобы не видеть последних секунд Карла, но тут...

Наверное, все были слишком увлечены схваткой и сразу не сообразили, что в развалинах православного храма засел какой-то стрелок. Его меткость была поистине фантастической. Пуля угодила в Потоцкого, круто развернула его и бросила на землю. На правом плече шляхтича расплылось огромное красное пятно.

– Матка боска! – завопил кто-то из поляков, бросаясь с саблей наголо туда, откуда грянул выстрел. – За мной!

– Поймаем негодяя! – подхватили вопль другие зрители.

Они устремились к развалинам, на бегу выхватывая оружие и стреляя из пистолетов. Пустырь моментально окутался дымом.

– Кто?! Кто сделал это?! – страшно кричал Потоцкий, пригвожденный к травяному ковру.

Мне вдруг вспомнились подобным истошным образом вопящие вампиры из ужасников. Было в этом что-то иррациональное, нечеловеческое. Возникло желание вонзить в грудь Потоцкого осиновый кол, но я его подавил: кола у меня не имелось, да и шляхтич отнюдь не был вурдалаком.

Карл, потерявший противника, оцепенел. Его ноги подогнулись, он рухнул лицом вниз, будто подстреленный, но я точно знал, что пуля была одна и предназначалась другой мишени.

– Это не я, я тут ни при чем, – хватаясь за грудь, прохрипел кузен. – Я не просил стрелять!

Он перевел безумный взор на меня, но я выражением лица показал, что тоже не имею к стрелку ни малейшего отношения, хотя, признаюсь, внутри уже начали зарождаться подозрения. В нашей команде имелся человек, всеми фибрами души ненавидевший Потоцкого и желавший ему смерти. Более того, уж кто-кто, а я точно знал, насколько метко этот человек умеет стрелять, потому что сам обучал его этой науке.

Шляхтичи вернулись с пустыми руками.

– Убег мерзавец, – разочарованно сообщил усатый толстяк.

– Вы хотя бы смогли его рассмотреть? – спросил я, стараясь не выдать волнения.

– Рассмотрись его, – зло сплюнул усач. – Задал стрекача, только пятки сверкали. Он, как выпалил, нас дожидаться не стал. Ну ничего, всю округу перетряхнем и стрелка этого разыщем. Я сам разыщу, – стукнул кулаком по пивному животу шляхтич, – и к тебе, пан Анджей, приведу, чтобы ты с него шкуру полосками снял.

– Это успеется, – сказал я. – Вы бы лучше раненого к лекарю отвезли. Не ровен час, помрет пан Анджей. Себя винить будете.

– Не помрет, – отрезал усач. – Ему смерть от сабли нагадали, а не от пули, так что сдюжит пан Анджей. А к лекарю мы его сейчас доставим. Я в бричку свою посажу и отвезу к эскулапу.

– Побыстрее! – попросил я.

Мы с Карлом помогли уложить истекавшего кровью Потоцкого в экипаж. Напоследок шляхтич нашел в себе силы приподняться и произнести:

– Господин барон, на этом наш поединок не закончился. Как только я поправлюсь, то обязательно найду вас и продолжу.

– Будьте уверены, ясновельможный пан, – отсалютовал саблей Карл. – Почту за честь!

Мы вернулись на постоялый двор. Михая в комнате не было, что подтверждало мои подозрения.

– Где он? – спросил я у оставленного за старшего Чижикова. – Я же велел никуда не выходить!

Тот виновато склонил голову и раскаивающимся тоном сказал:

– Вы уж простите меня, господин сержант. Не послушал я вашего приказа. Попросился наш Михай в костел сходить, так я его отпустил. Когда еще возможность такая выпадет?

Глава 3

Вызванный лекарь, судя по всему – швед, тощий как тень и скучный, как программа канала «Культура», внимательно осмотрел Карла, нашел несколько порезов, нанесенных клинком Потоцкого, тщательно промыл раны и наложил чистые повязки.

– Ничего серьезного, господа. Я бы назвал это всего лишь царапинами. Но день-другой молодому человеку стоит отдохнуть. Пусть побережет здоровье и не встает на ноги.

– Со мной все в порядке! – запротестовал Карл, лежавший на кровати.

Он еще не отошел от горячки боя и столь неожиданного его завершения.

– А разве я сказал иначе? – с иронией спросил лекарь. – Только, если вы не станете меня слушать, я за ваше здоровье не в ответе.

– Вот что, – прикрикнул я на юношу, – делай что сказано. Два дня постельного режима. Встанешь – убью! Лично!

– А как же?.. – начал говорить кузен, но, сообразив, что среди нас имеется посторонний, вовремя закрыл рот.

Лекарь взял с меня две монеты и, пообещав проведать раненого послезавтра, удалился.

Я сел в глубокой задумчивости. Как ни крути, но мы едва не распрощались с Карлом. Если бы не своевременный и, главное, меткий выстрел, кузен бы уже знакомился с ангелами. Единственной подходящей кандидатурой на роль таинственного благодетеля был Михай. Он ненавидел Потоцкого, отлично стрелял и, вдобавок, выходил из гостиницы, хотя я строго запретил гренадерам покидать комнату. И что самое противное – я не знаю, как с ним поступить. С одной стороны, он ослушался приказа, с другой – спас Карла. Понятно, что на любых весах перетянет последнее. Есть, правда, еще один фактор, который надо учитывать, – выстрел из засады бросил тень на честь кузена, а уж кому, как не мне, знать, насколько он щепетилен в этих вопросах.

Михай явился через полчаса. Выглядел он, как всегда, хмурым и подавленным.

– Говори, где был! – сурово спросил я, едва Михай переступил через порог.

– В костел ходил, господин сержант, – не поднимая глаз, в своей обычной манере ответил поляк.

– Только в костел или еще куда-то завернул по пути?

– Больше никуда не заходил, – с удивлением произнес Михай. – На службе постоял, помолился за благополучный исход поединка между вашим кузеном и паном Потоцким, душу отвел перед образами.

– Покажи свое оружие, – приказал я.

– Зачем? – Михай побледнел, но, как мне показалось, скорей от обиды, чем из боязни оказаться раскрытым.

Нет, что-то тут не так. Неужели я иду по ложному пути? Но проверить Михая в любом случае надо.

– Покажи свое оружие, – с нажимом повторил я.

Обиженный поляк выложил свой арсенал. Выяснилось, что все на месте, ничего с собой наш друг не брал. Я задумался: времени обзавестись новым пистолетом или мушкетом у Михая не было, порохом от него не пахло. Да и удивление на его лице выглядело вполне естественным, актерских талантов в нем я не наблюдал. Выходит, загадочным стрелком был кто-то другой. И это встревожило сильнее всего. Похоже, в игру вступил новый игрок, и кто знает, чего от него ожидать и какой стороне он подыгрывает. Пока что в его активе спасение Карла, но вдруг это часть какой-то хитроумной комбинации? Или здесь что-то другое: месть, сведение старых счетов? Как всегда, вопросов больше, чем ответов. Скверно. Все равно что брести в потемках по минному полю.

Для очистки совести я все же потребовал от Михая клятвы:

– Поклянись, что не стрелял в Потоцкого!

– А в него что, стреляли? – ахнул Михай. – Надеюсь, убили?

– Убить – не убили, но ранили серьезно. Поклянись, что не твоих рук дело.

– Клянусь всеми святыми! Я-то, когда увидел кузена вашего, обрадовался. Думал, зарубил он этого гада. А тут вон как все обернулось! Но в Потоцкого я не стрелял, господин сержант, хотя, выпади мне такой случай, не дрогнул бы.

– Ладно, верю. День выдался тяжелый. Столько событий сразу навалилось.

– Господин сержант, – привстал Чижиков, – дозволейте сказать.

– Говори, раз уж начал.

– Я вот что думаю. Вы уж не смейтесь надо мною, но давно уже в затылке свербит, будто кто-то за нами идет и в спину смотрит. Словно взгляд чужой, на тебя направленный, чувствуется.

Я вздрогнул, уж больно мысли Чижикова были созвучны моим:

– Смеяться не собираюсь, не в моих это правилах. Объясни подробнее, что тебя беспокоит.

– Помните, как мы у матушки вашей в имении ночевали? Я с утречка вышел во двор, трубочку раскурить, и ночного сторожа встретил. Он нашему языку немного обучен. Слово за слово, сцепились мы языками, и вот что он мне сказал: дескать, ходит неподалеку кто-то чужой, близко подойти не решается, но собак тревожит. Я поначалу не придал речам его значения. Мало ли что привидеться ночью может, у страха глаза велики, сами знаете. Но как отправились в путь дальше, зябко мне вдруг стало. У меня мамка ворожить умела, к ней все ходили, даже из других мест, и мне кое-что от нее в наследство передалось.

– А ты у нас колдун, значит, – засмеялся Михайлов.

– Скажешь тоже! Никакой я не колдун, – обиделся Чижиков. – Чутье у меня появилось. Сначала всего ничего было, а с годами побольше стало. Иной раз словно в будущее заглядываю, точно знаю, что и как произойдет. Но такое редко бывает, а то бы нас ни в жизнь в засаду не поймали. А вот ежели кто в спину смотрит, всегда о том ведаю.

– Понятно, экстрасенс ты наш доморощенный, – улыбнулся я. – Ну, травы, что было дальше.

Чижиков не обратил внимания на незнакомое слово и продолжил:

– Чую, идет кто-то по нашему следу. Аккуратно так, на удалении держится, но из виду не упускает. Почитай до самой Польши чувство такое было, но, как через кордон перебрались и в Крушаницу приехали, отпустило.

– А что мне не сказал? – удивился я.

– А что говорить-то?! Вы ж меня на смех бы подняли без доказательств! – пояснил солдат.

– С этого дня ты мне лучше все рассказывай. Я тоже себя неуютно чувствовал. Если бы ты поделился со мной подозрениями, могли бы проверку устроить – узнать, кому это вздумалось за нами пылить. Глядишь, сейчас голову над этим ломать бы не пришлось.

– А может, оно и к лучшему, что не узнали? – заметил Михайлов.

Я вздохнул. Возможно, он прав. В голове забрезжило смутное предположение. Ушаков, отправляя нас в эту командировку, велел ни при каких обстоятельствах не предавать гласности тот факт, что мы находимся на русской службе и выполняем его задание. Политика есть политика. Джентльменам в белоснежных перчатках в ней делать нечего. Не удивлюсь, если генерал-аншеф для подстраховки отправил вслед за нами других людей, целью которых является наше устранение, если что-то пойдет не так. Вполне логичное решение. Нет человека – нет проблемы. Только не надо приписывать это выражение Иосифу Виссарионовичу. Это еще задолго до него придумали и в жизнь воплотили.

До поры до времени «контролеры» – назову их так – помогают нам. Устранили Потоцкого, как только стало ясно, что жизнь Карла в опасности. Действовали грязно, рискованно, но вполне эффективно. Ужас, как не хочется быть следующей мишенью.

Хотя... вдруг это паранойя? Впрочем, как говорили мне в армии: лучше перебдеть, чем недобдеть. Будем действовать с учетом новых обстоятельств, только и всего.

Я велел Михайлову ухаживать за раненым Карлом, а сам с остальными гренадерами отправился на поиски лавки Микульчика. Выяснилось, что до нее рукой подать.

За прилавком стоял разбитой приказчик, из тех, которые умеют так обслужить покупателя, что случайный человек, зашедший, чтобы переждать дождь, обязательно выйдет с солнечными очками. Но, услышав, что мы хотим поговорить с хозяином, не стал упираться и привел круглолицего купца со щеками как у хомяка.

– Что вам угодно, господа? – Микульчик смотрел на нас с опаской, понимая, что мы вряд ли явились к нему за покупками.

Говорил он на польском, но, когда я сказал несколько фраз на немецком, купец с легкостью перешел на этот язык:

– Итак, чем могу служить, благородные рыцари?

– Я приехал сюда, чтобы осведомиться о здоровье пана Дрозда, – произнес я слова пароля.

– О, у меня для вас радостное известие: пан Дрозд пошел на поправку и в честь своего выздоровления собирается пожертвовать деньги на новый костел.

Я кивнул, будто на самом деле радовался приятной новости. Этот отзыв означал, что все в порядке, надо договариваться о встрече с проводником.

– Как бы мне с ним свидеться?

– Скажите, где вы остановились, и пан Дрозд лично явится к вам с визитом, – продолжил купец.

Я сказал, что мы остановились на постоялом дворе и занимаем одну из комнат, назвал номер.

– Понятно. – Круглое лицо торговца расплылось в угодливой улыбке. – Пан Дрозд будет поставлен в известность сразу, как только я его увижу. Не сомневайтесь. Мое слово тверже камня.

– Пан Дрозд в городе? – осторожно спросил я.

– Еще нет. Наверное, что-то его задержало в пути, но в этом ничего необычного нет. Мы обговаривали только приблизительные сроки. Я ожидаю его приезда со дня на день. Не беспокойтесь, думаю, он появится у вас не позднее послезавтра, – заверил купец.

– Спасибо, господин Микульчик, – поблагодарил я. – Буду всецело на вас надеяться.

Названный срок меня устраивал. Если верить доктору, как раз к тому времени Карл должен поправить свое здоровье, а лишней «штук» никогда не помешает.

День закончился, не в пример предыдущему, тихо и спокойно. Мы поужинали и легли спать без приключений.

Пан Дрозд явился только через сутки после того, как лекарь решил, что с раненым действительно все в порядке и он может хоть на руках ходить. Мы как раз праздновали это событие, когда в дверь постучался высокий шляхтич с длинным чубом и физиономией бандита с большой дороги.

– Я буду пан Дрозд, – представился он. – С кем имею дело?

– Бароны фон Гофен и фон Браун с челядью, – пояснил я.

– Вы не московиты? – удивился шляхтич.

– А кого вы ожидали здесь увидеть?

– Кого угодно, только не немцев. Мне сказали, что я должен проводить людей русской императрицы. Я почему-то думал, что сюда пришлют московитов.

– Не хочу вас расстраивать, но мы – курляндцы, хотя среди наших слуг есть и русские. Надеюсь, этот досадный факт не мешает вам выполнить поручение Чарторыжского?

– О, я бы выполнил свой долг, даже если бы увидел перед собой мавров. Это мой крест, – усмехнулся поляк. – Хотя вы не представляете себе всех трудностей вашей задачи.

– К трудностям нам не привыкать, но, прошу вас, прежде чем мы двинемся в путь, расскажите, что нас ждет.

– С превеликим удовольствием! Если закажете доброго вина или хмельного меда, я буду заливаться соловьем хоть до самого утра, – заулыбался шляхтич.

– Приглашаю разделить с нами трапезу, – предложил Карл.

– Что же, после долгой тряски на лошади аппетит мой столярный разыгрался, что я без колебания приму ваше приглашение. Да и где еще могут поговорить и познакомиться поближе благородные паны, кроме как за накрытым столом?! С удовольствием осушу в ваше здравие кубок, и не один, – подмигнул пан Дрозд.

Хоть и не хотелось вновь предаваться Бахусу, все же пришлось откупоривать вино и разливать по бокалам, благо нам никто не мешал. После истории с возвращением пана Потоцкого остальные постояльцы приутихли и перестали колобродить. Устают все, даже пьяная шляхта.

К полуночи, благодаря словоохотливому проводнику, я узнал многое о цели нашей поездки. Оказывается, фальшивомонетки наши себе тихое и спокойное пристанище по соседству с деревней староверов.

Народа, придерживавшегося старых канонов, в Польше хватало. После реформ, затеянных патриархом, Русская православная церковь раскололась на два враждующих лагеря. Власть встала на сторону реформаторов, и хотя сочувствующие были даже на самых верхах, людей, которые предпочитали креститься двумя перстами, постоянно подвергали серьезным притеснениям. Вот почему староверы бежали из России на территорию соседней Польши. По некоторым прикидкам, страну покинуло больше ста тысяч человек. Цифра немаленькая, а если учесть потрясающую работоспособность и фанатическое прилежание старообрядцев, становится ясно, какие убытки терпела имперская казна, лишившаяся стольких подданных. Российские староверы платили удвоенный подушный оклад, для них существовало много разнообразных запретов, нарушение которых каралось огромными штрафами. Понятно, что империи было невыгодно терять такой источник доходов.

На территории Речи Посполитой неподалеку от Гомеля образовалось миниатюрное государство в государстве – Ветковская слобода, или просто Ветка, заселенная сплошь раскольниками. Количество дворов в ней доходило до нескольких тысяч. Духовная власть в слободе принадлежала старцу Епифанию, киевскому монаху, который благодаря подлогу был посвящен в сан чигиринского епископа. Когда обман раскрылся, лжеепископа арестовали, но «воровские люди скрали колодника Епифания в Коломинском лесу» и доставили в Ветку. Там старец и развернулся. Новоявленный архиерей начал лихо посвящать собратов по вере в священники и диаконы.

Поскольку «народная тропа» к Ветке не то что не зарастала, а, наоборот, с годами становилась все шире и шире, встревоженное правительство Анны Иоанновны приступило к решению столь остро заявившей о себе проблемы. Первоначально власти отнеслись к ветковцам довольно гуманно: предлагали милость, обещали не наказывать за бегство, и только потом, когда уговоры не увенчались успехом, перешли к силовым действиям. В апреле 1735 года пять полков русской армии скрытно окружили Ветку. Солдатам приказали жилища раскольников разорить, а самих ветковцев со всем скарбом вывезти.

Операция, получившая в истории название «выгонка Ветки», прошла успешно. Мирные люди не могли оказать организованное сопротивление правительственным войскам. Как водится, победила сила. Пойманных староверов расселили по всей России, заложив тем самым

мину замедленного действия. Проповедников, обладающих даром убеждения, среди ветковцев хватало.

Селению, в которое мы отправились, очевидно, повезло больше. Солдаты не знали, где оно находится, или не смогли до него добраться, так что раскольники жили прежними вековыми обычаями.

Поляки опасались к ним лезть со своим уставом и предпочитали вести взаимовыгодную торговлю. Каким-то образом Потоцкие и Сердецкие договорились с общиной и установили на территории деревни машину, предназначенную для изготовления фальшивых денег. Судя по наводнившим Россию медным фальшивым пятакам, «бизнес» процветал. Ну да ладно, на то и мы, чтобы прикрыть эту лавочку.

– Нас мало, но мы в тельняшках, – усмехнулся я, прерывая пана Дрозда, живописно рассказывавшего о сложностях, что выпадут нам на пути.

– Простите, барон, что вы сказали? – спросил шляхтич.

– Я сказал, что все будет в порядке.

– Вот ответ, достойный мужчины! – поднял кубок пан Дрозд. – Сеча, вино и девушки – что еще нужно рыцарю для полного счастья? Драка впереди, вино на столе, а девушки... – Он облизнулся, как обжора на окорок. – Может, отправимся за ними? Я видел тут немало прекрасных паненок.

– Девушки потом, – улыбнулся я, вспомнив старую песню. – Выезжаем утром. Засиделись мы в этом городе. Пора и честь знать.

– Как пан скажет. Мне все равно, – сказал поляк и, уронив голову, захрапел.

– Гуляка, – не сдержал усмешки Чижиков. – Быстро же его свалило.

– Пусть спит, – махнул рукой я. – Да и нам стоит последовать его примеру. Туши свет, Чижиков. По койкам, гренадеры.

Глава 4

Утром выяснилось, что гость прибыл не один: с ним прискакал тощий малый лет двадцати, который хоть и считался шляхтичем, однако по польским законам вполне мог подвергнуться со стороны пана Дрозда порке, словно простой холоп, за тем исключением, что экзекуцию полагалось проводить на специальном коврике. Ночевал этот дворянчик в погребе с теми, кому на постоялом дворе не нашлось места. Гайдуки, лакеи и не сильно привередливые шляхтичи спали вповалку, не обращая внимания на прохладу и сословную разницу.

Пан Дрозд пошептался со своим человеком, а потом куда-то его спровадил. На мой вопрос ответил, что не хочет посвящать в дело лишние уши.

– Больше нам никого не понадобится, – заверил шляхтич.

Он скинул парадную европейскую одежду и переделся в походное платье. Теперь на нем были: высокая шапка с пером, черные «смазные» сапоги и кафтан, за пояс которого пан Дрозд засунул пистолет. Не забыл проводник о сабле, подвесив ее так, чтобы в любой момент можно было выхватить из ножен, не теряя драгоценных секунд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.